Я хотел было поспорить, что непосредственно самих вопросов было меньше. И вообще мне наш диалог показался добрым разговором неофита и прожженного Игрока. Но вряд ли сахем будет слушать возражения Ищущего. Поэтому я засунул свой язык в одно мягкое место и весь обратился во внимание.

– У каждого мира существуют свои законы. Правила, которые позволяют поддерживать порядок. Благодаря которым все не летит в тар-тарары.

– Дайте угадаю, на Земле тоже есть правила.

– Да. Всего три. Связанные между собой. Нарушение одного может повлечь отступление от другого. Поэтому важно следовать им всем. Готов ли ты выслушать их.

Я поспешно кивнул. Умел сахем интриговать.

– Игроку нельзя жить в одном и том же государстве обывателей в течение одной человеческой жизни. Это понятно?

Я прокрутил слова золотомасочного в голове. Да вроде все понятно и логично. Старожилы, существующие дольше ста лет уже привлекают лишнее внимание. И ладно бы обычных людей, так Пенсионный фонд тоже всех считает. А эта химера пострашнее всяких Игроков. Ну а если кроме шуток – надо жить тихо, незаметно, когда приходит срок – исчезать. Переезжать в другую страну… или мир.

– Все понятно. Что дальше?

– Игрок не может напасть на другого игрока в пределах поселений без видимых на то причин. А также обокрасть его, ограбить или причинить другой вред.

Так вот чего Эреол включил заднюю? Он не может напасть на Охотника здесь, иначе будет объявлен вне закона.

– То есть, если я, к примеру, убью Игрока в какой-нибудь безлюдной местности, то претензий ко мне не будет?

– Никаких.

Вот ведь. Я и раньше не был поклонником дикой природы, а теперь хрен меня затащишь в какой-нибудь туристический поход.

– Но важно понимать, что Игрок нигде не может чувствовать себя в безопасности, даже в таком тихом и спокойном месте, как Отстойник. Здесь много пришлых, которые не считают нужным руководствоваться чужими правилами. Так что будь всегда начеку. Стражи сильны, но не всесильны.

Успокоил, так успокоил. То есть, мне нельзя ничего, чтобы не попасть под раздачу. Но в случае чего, это не спасет меня от опасности. Вроде бы ничего такого, обычная жизнь в крупном городе. Вот только там все предельно просто. От тебя, как правило, хотят нечто ценное. Тут же под этим понятием воспринимается жизнь.

– Ну а последнее правило?

– Оно самое простое и одновременно самое сложное. По крайне мере, для того Игрока, что

полюбил смертную или смертного… – он подождал, нагоняя драматизма и заставляя меня чуть ли не пританцовывать от нетерпения. – Игрок не может проявить свое истинное обличие обывателю.

Хм. Согласен, одновременно простое и сложное правило. Казалось, чего легче – держи рот на замке, всего-то и делов. Хочешь потрепаться, дуй к таким же, как и ты. Но вот что делать в случае смешанных браков? Которые, как я понял, не такая уж редкость. Охотник вроде держался. Потому что рядом с тетей Ниной был тем самым косноязычным токарем. А вот смог бы я проживать чужой жизнью рядом с человеком, который стареет и когда-нибудь умрет?

– Понятны ли тебе правила? – спросил сахем.

– Предельно, – подтвердил я.

– Тогда прямо сейчас тебе предстоит сделать выбор: согласиться с правилами Отстойника или уйти из этого мира.

– Последний вопрос. Чтобы окончательно расставить все точки над и. Правила действуют лишь в нашей стране или вообще везде?

Золотомасочный поколебался, раздумывая, стоит ли отвечать. Но в итоге лишь кивнул головой.

– Сахемы, мои братья, следят за порядком в поселениях. Они глаза. Антеноры, самые достойные из сахемов, следят за обширными ветвями многочисленных городов. Они руки. Каид, избранный из числа антеноров, следит за Отстойником. Он голова. Тебя устроит такой ответ?

– Более чем.

– Тогда прими свой выбор.

– Согласен я, чего уж там. Кровью надо где-то подписать или еще что-нибудь?

– Твоего слова достаточно.

Сахем не договорил, когда с моих губ сорвалась яркая, золотистая дымка. Она пролетела до сидящего в кресле управителя и впиталась в маску, на мгновение осветив ее. И снова все погрузилось в полумглу.

– Теперь можешь идти. Теперь ты полноценный Игрок Отстойника.

Да уж, этим эпитетом я вряд ли буду гордиться. А хвастаться им в приличной компании и подавно. Но сахем сказал, а я услышал. На всякий случай поклонился и выскочил прочь, утирая выступивший пот. Один из охранников снаружи остановил. Я напряженно вжал голову в плечи и уже собрался откатить время, но тот лишь отдал нож. Фуф, точно, совсем про него забыл.

Игроки меня не замечали, будто перед ними пустое место. Лишь несколько неодобрительно смерили презрительными взглядами. Мне же лучше. А я-то уж боялся, что не впишусь во всеобщую концепцию. Тут, оказывается, все как в обычной человеческой жизни. Всем на всех пофиг.

Охотника я заприметил у «Секонд-хенда». Вот только мой нечаянный наставник не

приценивался к ношенной одежде, а разговаривал. С самым обычным по виду человеком, лишь в странном тряпье и плашкой Шпион сверху.

– Видящие обеспокоены, – донесся до меня обрывок разговора, – они говорят, что в Отстойнике умер хорул.

– Ты знаешь, что это невозможно, – хмыкнул Охотник.

Шпион хотел возразить, но в этот самый момент его взгляд встретился с моим. И он так и замер с открытым ртом. Черт!

∞

В самый последний момент я юркнул за проходящим Игроком, чуть не запутавшись в полах его плаща. Сделал несколько шагов и встал у прозрачной витрины.

– … это невозможно.

– Думаешь, я этого не знаю? Но одно дело, если бы это сказала одна Видящая, другая. Ты знаешь, что они могут ошибаться. Одна, две. Но чтобы все?

– Еще что-нибудь? – спросил Охотник.

– Сегодня Эреол попытается убить тебя.

– Я знаю.

– Тогда я не беспокоюсь за тебя. Прощай.

– До скорой встречи… – ответил Охотник. – Иди сюда. Думаешь, я не заметил тебя?

Я повернул голову. Сосед смотрел прямо на меня. Ну ладно, иду, иду. Все равно же не узнаешь, что ради этой информации я откатил время.

– Ты закончил? – спросил Охотник.

– Да, поклялся, что теперь буду священным блюдуном правил Отстойника.

– Это не шутки. Стража церемониться не любит.

– Только, как я понял, не всех это останавливает.

– Не всех, – согласился сосед.

– Охотник, а кто такой хорул?

Игрок посмотрел на меня так серьезно, как, наверное, не глядел еще ни разу за все наше общение. И произнес еле слышно, чтобы никто кроме меня не услышал.

– Это тот, кого ты убил.